

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

Энтони Гилберт (настоящее имя – Люси Беатрис Маллесон, 1899–1973) – известная английская писательница, наследница литературных традиций Диккенса и Коллинза, основательница «Британского детективного клуба».

Ее роман «Не входи в эту дверь!» был включен в легендарную «Библиотеку классического детектива» Борхесом и Касаресом. Особое место в творчестве Энтони Гилберт занимает сериал о расследованиях адвоката и талантливого частного детектива Артура Крука.

ANTHONY
GILBERT

.....
THE CLOCK
IN THE HAT BOX

.....

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Г47

Серия «Золотой век английского детектива»

Anthony Gilbert
THE CLOCK IN THE HAT BOX

Перевод с английского Э. Меленевской

Серийное оформление В. Половцева

Печатается с разрешения Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency LLC.

Гилберт, Энтони.

Г47 Будильник в шляпной картонке : [роман] / Энтони Гилберт ; [пер. с англ. Э. Меленевской]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-111312-4

Зачем Ричард Арнольд, один из двенадцати присяжных, спас от виселицы Виолу Росс, красавицу, небезосновательно обвиняемую в убийстве своего пожилого мужа? Зачем принялся одержимо доказывать, что его убил сын от первого брака, которого тот грозил лишить наследства? И наконец, какое отношение сам Арнольд имеет к еще двум таинственным смертям?

Артур Крук, адвокат Арнольда, решает любой ценой распутать эту цепочку преступлений...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111312-4

© Lucy Beatrice Malleson, 1939
© Перевод. Э. Меленевская, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

Глава 1

Судья давал свои последние наставления:

— Таким образом, господа присяжные заседатели, приговор ваш зависит от ответа на следующий вопрос: кто именно положил часы в шляпную картонку? И если вы без малейшего колебания убеждены в том, что это была подсудимая, вам остается только признать ее виновной. Но если у вас будет на сей счет хоть крупница сомнения, мой долг напомнить вам, что, согласно английскому законодательству, подсудимый может быть признан виновным в совершении того преступления, за которое его судят, исключительно на основании вашего полного в этом отношении и безусловного единодушия. Следовательно, если единодушия в этом вопросе у вас не возникнет, вы должны будете подсудимую оправдать.

По обыкновению, судья добавил, что, если при рассмотрении приговора нам понадобится какая-либо помощь с его стороны, он в нашем распоряжении, после чего мы поднялись с мест и вышли.

Дело было долгое и неблагоприятное. Женщину, сидевшую на скамье подсудимых, мы все знали.

Она жила меж нас с тех пор, как одиннадцать лет назад вышла за покойного замуж. В таком маленьком городке, как наш, человек всегда на виду. Мы немало осведомлены о состоянии дел каждого, а сплетничаем и того больше. Виола же Росс особа была такая, что поневоле заплетничаешь. Двадцати трех лет она вышла замуж за человека вдвое себя старше, вдовца с сыном-школьником. Когда Эдвард Росс, отправившись навестить больную сестру, вернулся с Виолой, мы прямо рты пораскрывали. В голове не укладывалось, каким чудом он умудрился завоевать такую женщину, как она. Маленький, тощий, с редкой порослью седоватых волос над высоким костлявым лбом, помимо умения, надев два раза костюм, придать ему вид мешковатого и изношенного, он был крайне рассеян, что делало его предметом шуток, не всегда дружелюбных. Она же, полногрудая и золотоволосая, принадлежала к тому типу красоток, который выделяли и воспевали прерафаэлиты. Разойдясь с ней на улице, ты оборачивался, чтобы взглянуть еще раз, и думал о Виоле долго после того, как она исчезала из виду. Признаюсь, когда я увидел ее на скамье подсудимых, у меня дрогнуло сердце. Было в ней что-то отчаянно живое, настоящее. Я даже подумывал иногда, грешным делом, какая роскошная куртизанка вышла бы из нее, родись она в другом мире, в другое время.

В общем, в таком городишке, как Марстон, не привлечь к себе внимания, не вызвать сплетен она

никак не могла. Помню, веснушчатая физиономия Росса буквально лучилась от гордости, когда они вернулись из трехдневного свадебного путешествия. Я как раз проходил мимо. Он, выбравшись из машины, стоял на тротуаре, чтобы подать жене руку, а она только повела глазами, принимая мое восхищение, восхищение любого, если на то пошло, как естественную, причитающуюся ей дань.

Понятное дело, дамский пол сразу ее невзлюбил, в отличие от мужчин; с красавицами вроде Виолы так и бывает. Женщины поглядывали на нее искоса и в ее присутствии крепче подхватывали под руку своих благоверных напоказ. А вот мужчины, те для нее готовы были в лепешку разбиться.

Поразительным образом никто из нас не знал, чем она весь день занимается. Да она как-то ничем особо не занималась. Не играла в бридж, хотя, с другой стороны, Эдвард не играл тоже, да и не поощрял никаких увлечений, которые могли бы выманить ее из «Лавров», когда он был дома. Не играла она ни в гольф, ни в теннис, даже машину водить не умела, но никогда бы ты не подумал, что она бездельница или скучает. Похоже, ей хватало того, что она просто есть. Отрадой ее была музыка, и, подозреваю, в музыке она изживала все разочарования, которые выпали ей за семейную жизнь. Ибо жизнь эта была пуста. Детей у них не было; сын Эдварда, Гарри, приезжал только на каникулы и то не всегда. Эдвард хвастал, что всего

лишь раз в жизни ходил в кино, и ему не понравилось. Танцевать он так и не научился, хотя она, если представлялся случай, танцевала прекрасно. Короче говоря, он напоминал зверушку, которая живет в норке и каждый промельк света воспринимает как великое приключение.

Эдвард, когда женился, да и в момент смерти тоже, служил учителем математики в школе Святой Хилари, довольно известной в округе. На досуге любил играть в шахматы, решать кроссворды и составлял для младших классов задачник, который не успел завершить. Первое время после свадьбы он демонстрировал жену с той же гордостью и застенчивым бахвальством, с каким, наверное, носил бы в петлице орхидею, но потом, видимо, по привычке.

Гарри Росс, которому на момент женитьбы отца было, надо полагать, лет девять-десять, до восемнадцати, когда пришла пора поступать в колледж, с мачехой встречался нечасто. Уродился он скорее всего в свою мать, ничего от Эдварда в нем не было — высокий смуглый парень с шелковистой шевелюрой, горящими глазами и избытком энергии. Я вскоре заметил, что Виола оказывает на него то же действие, что и на большинство мужчин. Рядом с ней ему было не по себе, но она его завораживала.

На момент смерти Эдварда Росса в «Лавры» была вхожа его секретарша, Айрин Кобб, неприглядная, но толковая и благонравная особа лет тридцати. Найти людей, более между собой нес-

хожих, чем Виола и Айрин, право, было бы непростой задачей. Айрин, истовая и восторженная, восхищалась всем, что бы Эдвард ни сделал, и чувствовала себя польщенной, когда после основной службы ее приглашали почти задаром поработать над учебником, над которым учитель корпел все свободное время.

С Гарри Айрин попыталась установить что-то вроде сестринских отношений. Даже как-то назвала его «старина». Я знаю об этом, потому что он со мной поделился. «Твой отец, старина, когда-нибудь будет тобой ужасно гордиться», — сказала она ему.

«Намекала, что и она состоит в гареме», — брезгливо уронил Гарри. И я в общем-то склонен с ним согласиться. Жизнь мисс Кобб чувствами была небогата. Вне службы она преданно дружила с одной-двумя подругами и посещала любительский театральный кружок. Кстати, именно там я с ней познакомился. Актерского дарования она была лишена и сама во всеуслышание сей факт признавала, но это ничуть не мешало Айрин играть второстепенные роли, деятельно участвовать в репетициях и вообще быть на подхвате.

Поразительно, если подумать, какой тихой умела казаться Виола Росс. При всей ее яркости и жизненной силе она сливалась с окружением, как серая куропатка растворяется на фоне палой листвы, делаясь совершенно невидимой. И хотя обедать Эдвард всегда приходил домой и, сколько она

его ни выманивала, вечерами они сидели дома, все равно свободного времени у нее было вдосталь.

Ее личная жизнь вызывала в городе наиострейший интерес. Никто не верил, что Эдвард способен ее удовлетворить, особенно когда пять лет спустя после свадьбы у него начались проблемы с сердцем и он переселился в отдельную комнату. Виола между тем часто ездила в Лондон на концерты, и блюстители нравственности находили, что как-то это все странно. Но никто, ни один человек не мог упрекнуть ее в том, что она нарушает свои супружеские обязанности.

Первые признаки разлада проявились, когда в прошлом году Гарри приехал на каникулы. Ему должно было исполниться двадцать один, и по-своему он был экземпляр особенный, под стать Виоле. Он перебудоражил весь дом. Злился на отца и его порядки, упрекал в привычке рано вставать, в скаредности, в отсутствии в доме гостей, вообще в том, как тускло, серо и скучно устроен быт. Мало того, он огорошил мистера Росса тем, что передумал становиться учителем. Лучше уедет за границу и хлебнет, что называется, жизни как она есть. На что Эдвард ответил не без резону, что на сей счет следовало подумать прежде, чем поступать в колледж, обучаясь в котором Гарри успел пустить на ветер целую кучу денег.

— Я же не знал, что мне там не понравится! — воскликнул Гарри.

— У тебя три года ушло, чтобы это понять.

— Да нет, я думал, надо же все-таки получить диплом...

Представляю, как фыркнул на этих словах Эдвард.

— В самом деле, диплом!

— Да, диплом — это то, что называется «джентльменский минимум». — Гарри за ответом в карман не лез.

Эдвард был оскорблен и не скрывал этого. Весь город следил за тем, как назревает скандал, и положение только ухудшилось, когда Виола решительно встала на сторону пасынка:

— Нельзя принуждать его делать то, что ему не по сердцу. Это все равно что перерезать ему горло.

— Ну что за вздор! — Я прямо вижу, как вскипел, услышав это, Эдвард. — Учительство — отличное, достойное дело...

— У него всего одна жизнь, — сверкнув глазами, бросила ему Виола.

— Ты что же, стоишь за моего сына против меня?

— Я хочу предотвратить дело злое и несправедливое.

— Ты хочешь сказать, что я враг своему сыну?

— У тебя есть власть, да, но нельзя заставить человека делать то, что ему не нравится. Это ужасно... Понимаешь, это так непоправимо просто — принять неправильное решение, и очень опасно, потому что, как только ты его примешь, тебе придется держаться его всегда.

Вряд ли Эдвард в полной мере отдавал себе отчет в том, к чему приведет этот разговор. Брак как институт вообще держится именно на армии равнодушных, нечутких мужей. Человек более внимательный давно бы заметил, что Виола о своем замужестве сожалеет. Но Эдвард нет, Эдвард ничего такого не предполагал. Если разговор этот как-то его задел, то только в одном отношении. То, что Виола встала на защиту пасынка, возбудило в нем подозрения. Он вообразить не мог, как это женщина идет против мужа, вступается за мальчика, который ей даже не сын; это казалось ему неправдоподобным. И поскольку, как я уже говорил, городок наш из тех, где слухи циркулируют свободно, вскоре мы узнали, что Эдвард решил снова перебраться в спальню жены.

Разрыв между отцом и сыном разрастался. Перед своим двадцать первым днем рождения Гарри уехал в Лондон, чтобы попробовать себя на журналистской ниве. От матери ему осталось содержание в несколько фунтов в год. Иногда он что-нибудь продавал и в общем как-то справлялся с материальными трудностями, но, разумеется, жизнь его очень изменилась после многих лет сравнительного процветания, потому что Эдвард, каков бы он ни был, в обычных обстоятельствах денег на сына никогда не жалел.

Примерно в это же время мистер Росс стал подозревать Виолу. Проверял ее письма, подробно выспрашивал обо всех передвижениях за день,

даже телефонные разговоры пытался подслушивать. Объявил, что большой штат прислуги им ни к чему, и из всех слуг оставил только старую горничную Марту, отличавшуюся кислым выражением лица, она стала за экономку, и служанку, которая приходила с утра и в девять вечера уходила. Короче говоря, превратился в настоящего домашнего тирана из тех, какими становятся только такие, как он, «маленькие люди». И когда ситуация достигла своего пика, стала чрезвычайно острой, Эдвард вдруг отдал концы.

Глава 2

Глядя на лица присяжных, я пытался понять, как они представляют происходящее. Сам-то я чувствовал, что несправедливо перечеркивать существование такой женщины, что бы она ни натворила. Так прекрасна она была, так ярка, так полна жизненных сил, что даже после заключения, после всего, что довелось вынести, ибо обвинитель не избавил ее ни от одного из мыслимых унижений, источник ее энергии не иссяк. После трех дней процесса, когда косвенно или напрямую ей вменили добрую половину всех преступлений, какие только числятся за людьми, оставалась она уверенной в себе, спокойной, невозмутимой. Казалось, даже смертный приговор не нарушит ее душевного равновесия.

Некоторые из коллег моих выглядели сбитыми с толку, обеспокоенными, и, надо думать, причин

тому было много. От ответственности, которую накладывает решение приговорить человека к смерти, поежится даже самый бесстрашный; других привели в замешательство улики; были и те, чьи мысли я видел столь ясно, как будто они золотые рыбки, мечущиеся в аквариуме. Думали же они о том, что не так давно Росс был точно таким, как они сами, ходил себе на работу, слушал по вечерам радио, ворчал по поводу подоходного налога и роста цен на бензин, жил с женой в таком же примерно доме, в каком живут и они, а теперь он гниет в могиле, а улики настойчиво указывают на то, что миссис Росс приложила к этому руку. От этой мысли у них мороз шел по коже, у этих самодовольных женатых мужчин, привыкших безраздельно властвовать над чадами и домочадцами. Она заставила их понять, что даже самый решительный и волевой из них отнюдь не Господь Всемогущий, что смерть может прятаться и под невинным обличем. Причем греховные жены, усмехнулся я про себя, вносят свой положительный вклад в жизнь общины, вклад, который идет во благо тем дамам, что сурово греховных жен осуждают, хотя дамы, скажи им кто такое, никогда с этим не согласятся.

Моррисон, старшина присяжных, из тех тучных мужчин, которые непогоду не переносят, рухнул на стул и промокнул платком лоб.

— Фу! — выдохнул он. — Ну и дельце! Я считаю, лет на пять вперед мы свой долг перед правосудием выполнили!

— Так вы думаете, это она сделала? — пискнул седенький старичок, похожий на дряхлую птицу. Мы все хорошо его знали, он держал лучший книжный магазин в городе и всегда рекомендовал посетителям мои романы.

— Господи, старина, вы же не думаете, что я вам вот так прямо и отвечу, верно? Надо сначала обсудить улики, отделить зерна от плевел... — Моррисон любил вставить в разговор цитату из Библии. — А потом все выскажутся по очереди, у кого какие соображения. И прошу всех иметь в виду, что на кону — жизнь женщины...

— Гнусное это дело — повесить женщину, — пробормотал Чалмерс.

— А убитый? Что? Про него все забыли? — ледяным тоном встряла в разговор дама-присяжная. — Что бы ни случилось с этой особой, она сама навлекла на себя беду, в то время как покойный — несчастная жертва!

— Прямо скажем, — вмешался еще кто-то, — сомнительная характеристика кому угодно, сделать жизнь в доме невыносимой до того, что жене вздумается мужа убить. Ну, если считать, что она виновна...

Тут мы вышли на еще один поворот темы, но Моррисон положил этому конец. Поднявшись с места, он заявил:

— Послушайте, так мы ни к чему не придем. Не наше дело толковать здесь о том, были у нее любовники или нет. Если были, это ее не красит